

Глава 5

Амвросий 1-й (Андрей Орнатский), 1819–1825

Итак, наша епархия снова осталась без своего архипастыря, и 9 ноября 1819 года на Пензенскую кафедру был определен новый Преосвященный – епископ Старорусский Амвросий (1778–1827), викарий Новгородской митрополии, хорошо известный к тому времени в России своим капитальным трудом “История российской иерархии”. Какие мысли по поводу превратностей путей Господних испытывал он, получая назначение в Пензу, на место того, по чьей “вине” он совсем недавно лишился самостоятельной кафедры? Ведь именно Амвросия прочили на открывшуюся в начале этого года в Оренбургской епархии епископскую вакансию. Более того, 25 января обер-прокурором Святейшего Синода князем Мещерским через министра духовных дел князя Голицына был уже представлен и соответствующий доклад государю императору, но, как мы уже знаем, Александр I повелел назначить на эту должность архимандрита Иннокентия. И хотя последнему вступить в нее так и не довелось, но и Амвросию почему-то не пришлось получить этого назначения, и епископом Оренбургским стал член Московской синодальной конторы архимандрит Феофил (Татарский).

И вот, не прошло и года, как его предшественник скоропостижно скончался от чахотки, и теперь уже ему, Амвросию, приходилось принимать под свое управление Пензенскую епархию, – епархию, которая для Иннокентия, учитывая его удаление из первых рядов защитников Православия, стала местом ссылки. Для Амвросия же, на первый взгляд, получение самостоятельной кафедры было повышением по службе. Но прельщала ли его такая административная служба? Для ответа на этот вопрос обратимся к его биографии.

Андрей (так звали в миру будущего епископа Амвросия) родился в 1778 году в семье диакона Череповецкого уезда Новгородской губернии Антипы Григорьева. Десяти лет поступил он в Кирилло-Белозерское духовное училище, где его нарекли Чудским (по месту его рождения – погосту Чуди). Затем продолжил свое образование в Александро-Невской семинарии, переименованной во время его

учебы там в академии. В ней Андрей получил свою новую фамилию – Орнатский. После окончания академии он в 1800 году был назначен преподавателем Новгородской семинарии и вскоре стал ее инспектором. 16 июля 1805 года состоялось пострижение его в монашество под именем Амвросия, и через несколько дней после этого он был рукоположен во иеродиакона, а затем и во иеромонаха.

Именно в Новгороде произошло его знакомство с будущим историком Русской Церкви епископом Старорусским Евгением (Болховитиновым), впоследствии митрополитом Киевским, который не только поддержал Амвросия в его увлечении церковной историей, но и оказал немалую помощь в подготовке его “Истории российской иерархии”. Этот объемистый труд, вышедший в шести частях в 1807–1815 годах, является исправленным и дополненным переводом с латинского книги “Опыт российской иерархии, сочиненной Никодимом Селлием, монахом и учителем Александро-Невской школы”. Он, как и вообще большинство сводных работ, не был, конечно, свободен от разного рода неточностей, но, при полном отсутствии подобного справочного аппарата на русском языке, сыграл огромную роль для изучения истории Русской Церкви и был по достоинству оценен ее исследователями.

9 февраля 1808 года соборного иеромонаха Александро-Невской Лавры Амвросия произвели в архимандриты с назначением настоятелем Новгородского Антониева монастыря и ректором Новгородской семинарии. В сентябре 1811 года он, оставаясь ректором, стал настоятелем Юрьева монастыря, а в марте 1812 года – настоятелем ставропигиального Московского Новоспасского монастыря. В последней должности ему пришлось заняться восстановлением московских монастырей, пострадавших от нашествия французской армии. За “особенное старание и попечение” в этом деле он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

12 марта 1816 года состоялась хиротония архимандрита Амвросия во епископа Старорусского, викария Новгородской митрополии. Его покровитель и предшественник на этом посту – архиепископ Евгений (Болховитинов) мог гордиться своим преемником – к тому времени вышли уже все шесть частей “Истории российской иерархии”, и имя Амвросия стало широко известным в России. Признанием его ученых заслуг явилось избрание Амвросия 2 октября 1816 года в почетные члены Московского общества истории и древностей российских при Московском университете.

И вот новое назначение, предполагавшее самое деятельное его участие в обустройстве обширнейшей епархии, где надеяться придется только на самого себя и Божию помощь и где ему предстоит, прежде всего, сугубо административная работа. Как-то сложатся его отношения с гражд-

данской властью, с подчиненными?.. Да и так не хочется прерывать свои историко-научные изыскания, тем более, что еще не окончена седьмая часть “Истории российской иерархии”... Но, делать было нечего, – надо было ехать в Пензу, где паства, только что похоронившая своего любимого и глубоко уважаемого архипастыря Иннокентия, ожидала прибытия нового епископа с некоторой настороженностью. Каким-то он будет в сравнении с прежним, достойным всяческого подражания епископом и какие качества сможет ему противопоставить?

Монах не только по названию, а и по сути, епископ Амвросий с первых же дней поразил всех своим аскетизмом и нестяжательностью. Его предшественник, епископ Иннокентий, и сам был образцом воздержания, однако не одобрял чрезмерного постничества, почитая за лучшее умеренность во всем, и только против вина ополчался, допуская его малое употребление лишь для поддержания сил во время болезни да еще разве что находящимся в немощи. “Пьяницы царствия Божия не наследуют”, – говорил он часто, пытаясь отвратить молодежь от спиртного либо вразумить пьяниц. Амвросий же довел воздержание в пище до крайности – ел лишь хлеб, редьку и огурцы и пил одну воду. Во время же Великого поста и вообще не употреблял ничего, кроме одной-двух просфор в неделю. Все свои деньги и вещи раздавал неимущим. Но зато был непреклонен по отношению к точному соблюдению церковного устава. В церкви требовал исключительной тишины. С духовенством, в противоположность Иннокентию, пытавшемуся воздействовать на своих подчиненных уговорами, не церемонился, а напротив, для пользы дела был весьма суровым, за что получил прозвище Грозного. Свой архиерейский дом он превратил в исправительное заведение, посылая туда провинившееся как в нравственном, так и в служебном отношении духовенство, которое страшилось участи постоянно быть под неусыпным взором своего Владыки. Такая “школа” для многих священнослужителей имела огромное значение, превратив их из попов в настоящих иереев, преданных своему делу и Святой Православной Церкви так же, как был предан им и их архипастырь. Надо заметить, что доставшееся ему в наследство духовенство было крайне необразованным. Третья часть протоиереев не получила даже элементарного школьного образования, что же касается рядовых священнослужителей, особенно сельских, то многие из них не умели писать, а следовательно, даже содержать в правильности метрические книги, не знали Закона Божия, молитв. Это отмечал еще епископ Иннокентий, из-за своей ранней кончины не успевший воплотить намерение по поднятию образовательного уровня пензенского духовенства. Теперь этим вплотную предстояло заняться епископу Амвросию.

Недостаток образования у священнослужителей объяснялся, главным образом, отсутствием до 1800 года в Пензе духовной семинарии. Поэтому для получения духовного образования нужно было отправлять своих

детей в другие города, на что могли решиться лишь немногие. В результате, приходилось ограничиваться домашним образованием, если, конечно, наставления полуграмотных отцов вообще можно назвать таковым. Остается только удивляться – как же смогла пустить такие глубокие корни православная вера в среде народной? И не просто пустить, но стать ее плотью и кровью. А в том-то и сила Слова Божия, что оно постигается не столько разумом, сколько душой. И не от образованности священнослужителя, как таковой, зависит процесс постижения этих глубин, а от изначальной, заложенной Богом, устремленности к своему Творцу, которая и в темноте не дает сбиться с правильного пути, а уверенно ведет к цели, ориентируясь на те огни, которые все же способен засветить малограмотный священник. Ну а если он еще и образованный, то эти редкие огоньки превращаются в сигнальную полосу, уже не позволяющую отклониться от курса.

Эта малограмотность духовенства очень мешала его авторитету, что сказывалось на взаимоотношениях с другими представителями пензенского общества, и в первую очередь – с дворянством, считавшим священнослужителей людьми второго сорта, с которыми и приходилось-то общаться лишь по заведенной на Руси традиции – во время обязательных посещений храмов. Естественно, что и на все духовное ведомство в целом распространялось такое же отношение гражданской власти во главе с губернатором, перед которым епископ Амвросий стал отстаивать интересы духовенства и Церкви с самого начала и без колебаний, избрав для этого отнюдь не дипломатические пути.

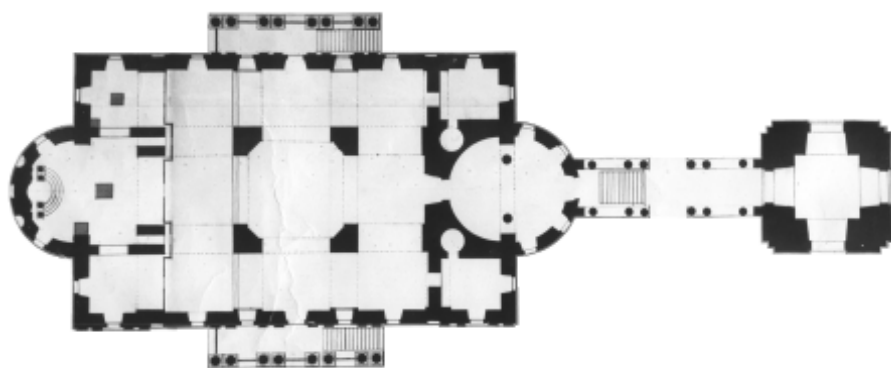
“Высокий, худощавый, с большими темными глазами, светившимися умом и энергиею, с голосом громким, звучным, который возвышался до громового, – когда епископ был под влиянием сильного волнения, тогда собеседники невольно вздрагивали. Большею частью епископ был угрюм и молчалив и говорил редко. Он не хотел ничем поступиться от того убеждения, что он все остается монахом. Глубокая пропасть лежала между ним и высшим обществом Пензы; отношения сразу установились натянутыми и все более и более обострялись”, – так пишет о нем Е. Поселянин в своей книге “Русские подвижники 19-го века”, удостоив включения в нее лишь двух пензенских епископов – Иннокентия и Амвросия.

В своих суровых проповедях, сравнимых разве что с гневными предсказаниями пророков, Преосвященный Амвросий смело обличал не только пороки тогдашнего пензенского общества, но и злоупотребления гражданской власти во главе с самим губернатором Лубяновским, почему последний не любил посещать кафедральный собор, хотя и обязан был делать это по установленному порядку. По той же причине стали избегать архиерейских служб и многие сановитые дворяне и дворянки, хотя эти службы отличались исключительной пышностью, торжественностью и вы-

зывали у молящихся чувство благоговения. Однако эта торжественность и неторопливость в исполнении богослужения, а также продолжительные проповеди иерарха, намного удлинляли службу, что также являлось одной из причин, из-за которой порой приходилось служить в полупустом соборе: люди, шедшие в храм Божий как в театр – полюбоваться на красивое действо, а не приносить свое покаяние Господу, не выдерживали длительного стояния и покидали собор, с тем, чтобы, может быть, уже никогда туда и не вернуться. Но потому и сильна наша Православная Церковь, что в ней остаются только самые преданные ей.

Пензенский Спасский кафедральный собор к приезду в Пензу епископа Амвросия представлял собой неприглядное зрелище. Война с французами отодвинула окончание строительства собора, хотя в 1812 году в нижнем этаже и состоялось освящение придельной церкви во имя великомученицы Екатерины. Посетивший Пензу в 1817 году великий князь Михаил Павлович пожертвовал на его окончание 20000 рублей. В том же году пензенский губернатор М. М. Сперанский извещал министра духовных дел князя А. Н. Голицына о том, что хотя собор вчерне уже и построен – на сумму в размере около 84 тыс. рублей, собранную от частных вкладчиков, – но для завершения строительства этих денег не хватило, почему местное дворянство собрало дополнительно еще 20541 рублей, однако и этих денег оказалось недостаточно. Требовалось еще 20 тыс. рублей, которые, учитывая значение здания собора для города, были отпущены по императорскому повелению в 1819 и 1820 годах не из церковных средств Св. Синода, а из строительного капитала МВД, то есть по линии государства. Но даже и этих денег оказалось мало. Понадобилось, согласно смете, еще 23806 рублей, которые Св. Синод предложил на этот раз собрать по подписке среди жителей губернии. Чтобы образовалась потребная сумма, пензенское дворянство вынесло решение каждому владельцу внести за свою крепостную душу по 10 копеек.

По своему приезду в Пензу Амвросий сразу же затребовал себе план кафедрального собора, смету на его завершение, а также и смету на его исправление, поскольку к тому времени недостроенный собор начал уже разрушаться. 15 сентября 1821 года был освящен главный престол во имя Всемилостивого Спаса – на втором этаже собора. Правда, собор еще не имел тогда ни двух боковых входов в верхнюю церковь, ни обрамляющих их портиков. Требовалось также оштукатурить собор снаружи и отремонтировать колокольню. Все эти работы решено было приурочить к приезду в Пензу императора Александра I, который прибыл в наш город вечером 30 августа 1824 года для проведения маневров стоявшего в Пензе под начальством генерала от инфантерии Горчакова 2-го пехотного корпуса и пробыл здесь до 4 сентября, отправившись затем по Симбирскому тракту (через Городище) на Оренбург.

Фасад и план кафедрального собора

Но не только приведением в порядок собора решило встретить своего государя пензенское дворянство: у многих его представителей, в том числе и у губернатора, давно был зуб на епископа, и тут, вдруг, представилась небывалая возможность наклеветать на своего духовного Владыку императору не только через его приближенных, но и лично, – с тем, чтобы удалить уже изрядно надоевшего своими нравоучениями епископа Амвросия из Пензы. И вот тут-то епископ Амвросий и показал свою строптивость и непокорность никакой земной власти, не побоявшись противопоставить себя всему пензенскому обществу, собравшемуся для встречи Александра I в кафедральном соборе. Как рассказывали, в то время, как главные должностные лица губернии приготовились встретить императора на северном крыльце, со стороны площади, епископ направился к южному входу, перед которым столпилась масса простонародья. На замечание губернатора перейти к ним, епископ отвечал, что в соборе хозяин он и лучше знает, где и как встречать дорогого гостя. Но и перед самим императором Амвросий нисколько не спасовал, – обратившись к нему с краткой речью, повел по собору, велел останавливаться перед иконами, класть поклоны, – сколько считал нужным назначить. Архиерей словно демонстрировал всему пензенскому обществу, которое было буквально в шоке от такого безрассудного поведения епископа, что ничего и никого, кроме Бога, не боится. А может, это был и совсем не вызов светскому обществу, которое ему, вероятно, точно так же надоело, как и он ему, а элементарный расчет, что уж теперь-то его наверняка удалят из Пензы, и, кто знает, может, ему удастся продолжить свои прерванные ученые занятия. Но если это было так, то надо признать, что расчет епископа не оправдался: он императору понравился, и понравился, прежде всего, именно своей прямоотой. Несмотря на многочисленные жалобы на епископа, поступившие в том числе и от духовенства, никаких последствий для Амвросия это не имело. На замечание императора по этому поводу епископ ответил, что на самого государя было бы еще больше жалоб, если бы только было к кому эти жалобы адресовать. И показав на свою панагию с изображением распятого Христа, добавил: “Он ли не был свят, а и Его обвинили и распяли”. Может, это все не более чем легенды, но они как нельзя лучше характеризуют прямой и независимый характер Преосвященного.

Так и не дождавшись смещения со своего поста, Амвросий сам в январе 1825 года подает в Св. Синод прошение, в котором пишет, что “Святейшим Правительствующим Синодом, согласно собственному желанию моему, возложена на меня священнейшая обязанность приготовить ко второму изданию “Историю российской иерархии” по собранным дополнительным сведениям. Сколь не священна сия обязанность и для меня не вожделенна, но при управлении епархией, мне вверенною, не имею я ни времени, ни сил к благовременному и достождолжному исполнению святейшей воли Святейшего Синода. Посему, дабы за коснение и оставление

без действия дела, для Церкви и Отечества полезного и уважительного, не подвергнуть себя строгому и праведному суду и осуждению Божию и Святейшего Синода, признаю я за необходимое испросить у Вашего Святейшества увольнение себе от управления епархией, мне вверенною, до приведения к окончанию моего труда в издании вторым, полнейшим и совершеннейшим образом “Истории российской иерархии”, с дозволением иметь мне пребывание в Кирилло-Белозерском монастыре, состоящем в Новгородской епархии”. Однако Св. Синод не нашел эту причину достаточной для увольнения, в связи с чем Амвросию пришлось еще сослаться и на свое расстроенное здоровье, которое к тому времени действительно из-за постоянных стычек с гражданской властью сильно пошатнулось.

4 сентября 1825 года просьба епископа была удовлетворена, до приезда нового Преосвященного дела, требующие архиерейского рассмотрения, поручено было вести епископу Тамбовскому Афанасию (Телятьеву). Без всякого сожаления покидал Амвросий Пензу, отняв у него столько моральных и физических сил. Враги могли торжествовать победу. Радовались и нерадивые священнослужители, не привыкшие к строгому соблюдению своих пастырских обязанностей. Радовались и консисторские служащие, значение которых сильно снизилось при епископе Амвросии, единолично решавшем все вопросы управления собственной епархией. Но были и почитатели энергичного Владыки, беззаветные служители Церкви, которые понимали всю пользу его строгости, дисциплинирующей и духовенство и паству, результатами которой были и появившиеся хорошие проповедники, и поднявшийся образовательный уровень священнослужителей, чему в немалой степени способствовали открытые при Амвросии духовные училища в Нижнем Ломове, Городище, а также в Камышине и Петровске, входящих тогда в ту же епархию. Памятью о Преосвященном в Пензе оставался и прекрасный кафедральный собор – лучшее украшение города. И те ростки стремления к горнему, которые заронил в душах своих прихожан епископ Амвросий своими проповедями, гневно обличающими порок во всех его проявлениях.

Было ли выказанное им стремление подготовить ко второму изданию “Историю российской иерархии” искренним или же оно явилось только поводом для уставшего от многочисленных забот и постоянных столкновений с местной властью человека покинуть высокую административную должность, для исполнения которой у него уже не оставалось сил, знает лишь один Господь. Хотя есть сведения, что, отправляясь к месту своего последнего пристанища, он возвратил в Св. Синод все, взятые для работы, бумаги, собираясь провести оставшийся ему на земле срок в полном уединении. Покинул он Пензу в простом монашеском одеянии, раздав все, что у него было...

Пензенский Спасский кафедральный собор

Приехав в места своего детства, он поселился в небольшой келье Кирилло-Белозерского монастыря и весь предался затворнической жизни, перестав общаться с кем бы то ни было, кроме Бога. Назначенную ему Синодом пожизненную пенсию в размере 2000 рублей он отдал на нужды монастыря, на бедных, на содержание своих родителей и двух сирот в училище. Он стал вести еще более строгую жизнь, чем вел, часто отказываясь даже от простой монастырской пищи, за день съедал одну просфору и пил лишь настой ромашки. Уединением, постом и молитвой он смирил все проявления своей страстной и деятельной природы, так необходимые ему когда-то для борьбы с дурными страстями и наклонностями других. Теперь, отбросив все земное, он сосредоточился на одном – на вечности, на

явн ,хнтүрд рлд онтэмбээн асолнрүлс отс .атнпүтс эжү лад вотот но йоротоя тодоп
овтсэджоҮ бн ,бдот 781 рдбжэд 85 .эрдтсбном в аненж отэ рсв н бнтэмбээн бллд
дэрдэп лвтсв ,оялэн оновс в ролүндрөв ,рэлнтсвнрп н ролдэвопсн но ,овотснрх
-нято ,нтввсрн йбрн бн лэснрп ,сншвнмотү .үдопсол я рэлнтсврдс авоня н нмбэсрдс
олбтвх эн мнтүрд .тэл 94 оялот отэсв үрп үт в үмэ олард .рслврножс охнт н ролүн
85 ...эонвалт йэн в атрноп адотр ,нненж йэшлсд н

